

|| **статья седьмая** **МОТИВЫ ПОИСКА ИЛИ БОРЬБЫ?**
(новое прочтение стихотворения “Парус”)

В самом деле, что преобладает в знаменитом произведении Лермонтова: призыв к борьбе, отрицание социальной действительности (это десятилетиями считалось непреложной истиной) или что-то другое, периферийно связанное с обозначенными мотивами, но имеющее, однако, другую образно-смысловую суть? Еще не столь давно рассуждения в такой плоскости могли вызвать сомнение – так сильна была власть привычных представлений, так, казалось, необходим нам Лермонтов-протестант, страстный “обличитель” общественного зла, порожденного дворянско-бюрократической системой. Вследствие этого очень личному, несомненно, “юношескому” стихотворению Лермонтова придавались функции почти узлового творения для русской литературы, поскольку в нем усматривалось наиболее полное и яркое выражение политического непокорства, мятежности, максимализма поэта. Нет надобности ссылаться на соответствующие работы исследователей – такое восприятие “Паруса” было и остается пока едва ли не повсеместным.

Правда, в некоторых работах упоминалось о недопустимости вульгарного отождествления лермонтовского стихотворения с идеей революционного протеста¹. Но оговорки мало что меняли в общей трактовке текста, поскольку стержневой его основой все-таки считалось стремление лирического героя к отрицанию. И в действующей ныне программе по литературе для средней школы, достаточно скорректированной, мы, как и прежде, встречаемся в традиционном определении смысловой доминанты “Паруса”: “жажда *б о р ь б ы* (выделено мною. – И.Щ.) и свободы – основной мотив стихотворения”². Все сводится, следовательно, к протесту, “борьбе”, хотя уже и без эпитета “революционной”.

Но соответствует ли такое понимание “Паруса” его реальному содержанию?

Приходится напомнить, что стихотворение написано в 1832 году, то есть, когда Лермонтов еще не определился в своем жизненном выборе (ему исполнялось 18 лет), когда он был сосредоточен на своей личной судьбе. О глобальном противостоянии окружающей среде в эти годы он еще не помышлял, хотя чуть раньше в другом

своем юношеском стихотворении записал слова, известные теперь каждому читателю: “Мне нужно действовать...”³.

Но “действовать” еще не значит “бороться” и “протестовать”! Под “действием” Лермонтов понимал тогда внутреннее саморазвитие, работу сердца и ума. А главное, нельзя не учитывать, что поэт написал свое стихотворение “Парус” в момент тяжелых личных переживаний, своего рода “смятения” души.

Покинув Московский университет, он принужден был отправиться (притом срочно) в Петербург в надежде продолжить там образование. Очень непросто складывались отношения с Варенькой Лопухиной. Он любил ее, а уезжал, не объяснив причины. И вот теперь, хотя с опозданием, но наверняка (через сестру любимой девушки) он и посылает стихотворение-исповедь, из которого становится ясно, что заставило юношу покинуть “край родной” – Москву. В этом смысле “Парус” – как бы “любовное”, частное послание, где зашифрован ответ на многие “почему”. Тем более, что Петербург в восприятии поэта оказался “чужим”, “холодным”, хотя и ослепительно блестящим городом. Но в нем нет друзей, нет Вареньки, будущность туманна. Не отсюда ли:

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!...
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?*

(1, 285)

Во второй строфе дан и ответ на эти вопросы, причем – не кому-либо, а Вареньке, которая могла быть в недоумении. Нет, в новых (петербургских) условиях поэт, как и его лирический герой, “счастья не ищет” и – что в особенности важно и что должно было успокоить Вареньку – он “не от счастья бежит”. Как понимать эти слова? В самом, я полагаю, обычном смысле, запечатленном в известной пословице: “от добра добра не ищут”. То есть, Лермонтов хотел сказать, вероятно, что “бежал” он не от Вареньки, отношения с которой могли бы составить его “счастье”, а отчего-то другого, вернее, в силу других причин.

Об этих причинах в тексте не сказано – прием романтической недоговоренности! – что и породило с момента публикации стихотворения (“Отечественные записки” №10, 1841) соблазн трактовать его как поэтический манифест борьбы и отрицания, как “выражение свободолюбивых, революционных настроений”⁴.

Но обратим внимание на то, как выражена центральная мысль второй строфы:

Увы, - он счастья не ищет

И не от счастья бежит! (выделено мною. – И.Ш.)

Где же здесь хотя бы косвенный намек на то, что герой “бежит” именно в поисках “борьбы”? Ведь совершенно очевидно: если не “ищет” (предположим, “счастья”) значит, и не “борется”, и не намерен бороться, потому что “бороться” можно только с конкретными явлениями, требующими устранения. Никакого намека на такие явления или состояния в стихотворении нет. Да и о какой “борьбе” может идти речь, когда лирический герой уже “кинул”, оставил возможное поле борьбы, именуемое родным краем? Или он надеется осуществить такую борьбу (неизвестно против кого и как?) за пределами земли отчей? Вообразить подобное можно лишь, угадывая в лирическом герое Лермонтова симптомы крайнего “донкихотства”. Но герои такого рода мало привлекали поэта.

Однако по смыслу стихотворения, по напряженности его интонаций видно, что поэтом владела какая-то сильная, волнующая страсть. Какая это страсть? Что влекло одинокий Парус в неведомые дали моря?

Думается, что эта страсть идентична мечте, стремлению отыскать некий “покой”, адекватный тем условиям, при которых были бы возможны (в сочетании с любовным счастьем) также и “действия” души. Иначе говоря, автор поведал здесь о максимализме своих внутренних потребностей, которые не могли быть исчерпаны любовными отношениями. И пока эти потребности не реализованы, поэт остается “одиноким”, замкнутым в себе, его не радует, не умиротворяет внешнее благополучие, благополучие “мира”, олицетворенного в морской стихии:

Играют волны - ветер свищет,

И мачта гнется и скрипит...

Увы...

(1, 285)

Здесь ничто не говорит о несовершенстве действительности, с которой надо бы “бороться”. Напротив, окружающая среда по своему гармонична и даже прекрасна:

Под ним струя светлей лазури,

Над ним луч солнца золотой...

(1, 285)

То есть, в “мире” все хорошо, а вот на “душе” у поэта “плохо”. Он не чувствует “согласия” с самим собой, у него разлад, он не отыскал своего места в жизни, какой бы она ни казалась: прекрасной (как в данном случае – ведь “луч солнца золотой”!) или несовершенной. Отсюда и концовка стихотворения, слова, ставшие афоризмом:

А он, мятежный, просит бури,

Как будто в бурях есть покой!

(1, 285)

Таким образом, все обращено к внутреннему, субъективному состоянию лирического героя, и он вовсе не бунтует, не “протестует”, а *ищет* своего места в жизни (именно “места”, а не счастья), пытается разобраться в себе, понять, что его влечет и куда следует направить свои усилия. Ведь он так молод! Жизнь, в сущности, только начинается и какой смысл начинать ее “отрицанием” окружающего, не разобравшись в себе? (именно это и зафиксировано в стихотворении: “...он счастья не ищет// И не от счастья бежит”).

Но как же быть тогда с определением “мятежный”? Разве оно не характеризует бунтарские настроения героя (и самого Лермонтова), не свидетельствует о его активной настройке? Об “активной” – да, а вот насчет “бунтарства”, связанного с отрицанием всего и вся, – тут можно усомниться.

Следует иметь в виду, что “мятежный” в русском языке означает не только “бунтующий”, но и “мятущийся” (корневая основа “мясти”⁵), “волнующийся”, “смятенный душой”. Во-вторых, не всякий “бунт” (если это бунт) надо воспринимать как протест против окружающей действительности во имя “свободы”. “Бунтарство” героев в литературе нередко есть форма, способ анализа авторских переживаний, связанных прежде всего с поиском путей преодоления личного кризисного состояния. Вспомним, к примеру, пушкинские “жалобы” в конце 20-х годов:

И с отвращением читая жизнь мою,

Я трепещу и проклиная,

И горько жалуясь, и горько слезы лью,

Но строк печальных не смываю⁶.

Нечто похожее, надо полагать, испытал и Лермонтов в начале 30-х годов, чем и объясняется его невольное “бегство” в Петербург. Эти настроения точнее, на мой взгляд, характеризуют истинный смысл романтической символики “Паруса”.

Правда, в стихотворении есть строка, которая может давать и давала повод для иных (“революционных”) толкований лермонтовского шедевра. Я имею в виду заключительную строку “Паруса”, где лирический герой просит “бури” – “как будто в бурях есть покой”.

Но надо обратить внимание на слово “как будто”. Его роль в поэтическом контексте весьма существенна, и означает оно в данном случае лишь то, что в какой-то “буре”, вероятно, можно обрести покой, а в какой-то – и нет. И если под “бурями” понимать социальные перемены, на чем настаивали некоторые исследователи, то где текстовое подтверждение того, что Лермонтов жаждал именно этих перемен, будучи уверенным в их врачующих последствиях? В каких образных деталях это выражено?

На наш взгляд, поэтическая функция слова “буря” заключается главным образом в обозначении того, что может или могло бы изменить, но еще не изменило настроения “мятущегося”, ищущего героя. Вот и все! Ничего другого (скажем, предполагаемой “революционной бури”) в стихотворении нет. Данное предположение привносится в текст, как правило, обостренным в политическом плане воображением. Между тем, если чего-то и жаждет герой в “Парусе” – так прежде всего перемены (для этого нужна “буря”!) своего душевного строя, а не перемены окружающей действительности.

Само собой разумеется, что слово “буря” надо понимать как метафору, означающую возможность “очищения”, “обновления” в судьбе лирического героя. Герой “Паруса” ищет такого именно обновления. Вне его нет смысла “бороться” с кем бы то ни было и где бы то ни было. Следовательно, основной пафос лермонтовского стихотворения заключен в мотиве поиска, а не борьбы, поиска “самого себя”, смысла своих деяний.

В свете предложенного здесь анализа, – а он, как видим, осуществлен в соответствии с логикой поэтической структуры стихотворения, – весьма сомнительной и, значит, ненужной выглядит установка воспринимать лермонтовский шедевр как отражение борьбы за свободу. Это надуманный, абстрактный тезис, ибо о какой свободе (тем более политической) может думать герой, который не избавился от своей душевной тревоги, сумятицы, не нашел своего места в жизни (вот почему он “счастья не ищет и не от счастья бежит”), не пришел к согласию с самим собой, к внутреннему равновесию, без которого нельзя мечтать о какой-то свободе? Да и что она ему даст, если он еще не знает цели своего существования?

Все это со всей очевидностью показывает, что господствующие у нас трактовки “Паруса” уводят нас от истинного понимания его сути, неоправданно сужают смысл великого произведения. На самом деле в “Парусе” Лермонтов ищет чего-то *большего*, чем свобода: он ищет *выхода из кризиса* человеческой души, ищет гармонии.

Наше объяснение расширяет диапазон лермонтовских дерзаний, выводит их из узкой колеи политического авантюризма на простор подлинно человеческого, даже можно сказать, философского поиска! Тем более, что в образной структуре, как видим, нет ничего такого, что можно бы рассматривать именно как “отрицание” российской действительности 30-х годов.

Другое дело, читательское, литературно-критическое восприятие. Оно (как всякое ассоциативное мышление) нередко тяготеет к “расширительному” толкованию текста и даже к параллелям чисто политического свойства. По этой причине в годы резкого социально-политического размежевания внутри страны (конец XIX – начало XX века) содержание “Паруса” обретало как бы новый идейно-творческий статус. Оно воспринималось в радикалистских кругах, оказавших большое влияние на критику и литературоведение, как символ протеста и борьбы – притом с теми общественно-социальными структурами, которые надлежало, по убеждению упомянутых кругов, сломать и заменить.

В советскую эпоху, в особенности в 30-40-е годы XX века, стихотворение Лермонтова уже напрямую уподобляется политическому протесту, пропагандируется и изучается как отражение общественных свободолюбивых настроений. Однако сам Лермонтов такого значения своему стихотворению не придавал, и вообще вряд ли склонен был рассматривать его как произведение программного характера. Неслучайно он не включил его в первый свой (прижизненный) сборник стихотворений, опубликованный в 1840 году. Возможно, здесь были и причины личного характера: стихотворение заключало в себе объяснение с очень близким и дорогим для поэта человеком, в данном случае Варенькой Лопухиной.

Конечно, нам не обязательно основывать свои суждения о произведениях литературы исключительно на исходных линиях авторского замысла. В конце концов для нас важно не столько то, что хотел сказать художник (хотя и это важно), сколько то, что “сказалось”⁷ в его образах, быть может, и помимо его воли. С этим теоретическим доводом Добролюбова нельзя не считаться. Но случай с

“Парусом”, я думаю, иной. В нем, в традициях поколений осуществлен нарочитый “выход” за пределы того объективного смысла, который заключен в образной стихии произведения. Поэтому не будет ничего зазорного в том (мы даже обязаны это сделать), если сегодня с большей определенностью, чем прежде, постараемся связать основной пафос лермонтовского стихотворения не с идеей борьбы за свободу – “свободу” от чего? – (и тем более “протеста”), а с *романтической неудовлетворенностью* юного поэта самим собою, с порывом, наконец, страстной, активной натуры отыскать свое назначение в жизни, а заодно и скрытый от нас, очень непростой ее вечно манящий смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лермонтов М.Ю. в школе. Пособие для учителя. Сост. А.А. Шагалов. М., 1976. – С.160.

² Программа по литературе для средней общеобразовательной школы. Литература. 1-11 классы. Просвещение. М., 1997. – С.33.

³ Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т.1. М., 1957. – С.179. Остальные цитаты Лермонтова приводятся по этому изданию.

⁴ Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. – С.367.

⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. М., 1981. – С.374.

⁶ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т.2. М., 1974. – С.137.

⁷ Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 3 т. Т.3. М., 1952. – С.29.